

УДК 81'114
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.22

А. В. Раловец

**ПОЛЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО
КОНЦЕПТА «VERBRECHEN» КАК ОТРАЖЕНИЕ
СТРУКТУРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО РОМАНА)**

В статье детективный текст рассматривается как важная составляющая массовой литературы, отражающей устойчивые модели массового сознания. Описываются характерные особенности общества массовой культуры, которые формируют облик современного реципиента и влияют на характер текстов современной культуры. Детектив исследуется как текстовое пространство, реализующее посыл общества массовой культуры, при этом акцент сделан на немецкой детективной литературе и ее специфических особенностях. Научная новизна данной работы заключается в полевом моделировании базового для полицейского детектива концепта «VERBRECHEN» («ПРЕСТУПЛЕНИЕ») с учетом факторов влияния на реципиента, в выявлении идиостилевых характеристик и лингвокогнитивных особенностей его репрезентации на материале популярного в Германии детектива Неле Нойхаус «Die Lebenden und die Toten» (2014). На иллюстративных примерах показано, что ядерную зону концепта «VERBRECHEN»

составляют семантически связанные номинации самого деяния: Kapitalverbrechen, Mord, Mordfall, Straftat, Totschlag, Tötungsdelikt, Tötung, menschliche Verfehlung, дополняемые обозначениями преступника: Verbrecher, Mörder, Täter. Периферийные слои данного концепта реализованы в таких локальных концептах, как «Schuld» (вина), «Eitelkeit» (тщеславие), «Unsittlichkeit» (аморальность), «Rache» (мсть), и эмотивных компонентах концепта «VERBRECHEN» «Angst» (страх), «Zorn» (гнев), «Schmerz» (боль). С системообразующим концептом «VERBRECHEN» содержательно и процессуально сопряжен концепт «ERMITTLUNG» (расследование), семантическое наполнение которого характеризует в авторском оценочном осмыслении и разные стороны преступления, и личность преступника.

Ключевые слова: массовая литература, массовое сознание, детективный текст, полицейский роман, образ реципиента, характеристики массовой литературы, концепт, полевое моделирование.

Anna Ralovets

**FIELD MODELING OF THE SYSTEM-FORMING CONCEPT «VERBRECHEN»
AS A REFLECTION OF THE STRUCTURE OF MASS CONSCIOUSNESS
OF MODERN SOCIETY (BASED ON GERMAN POLICE NOVEL)**

This article studies the detective text as an important component of mass literature, reflecting stable models of mass consciousness. The article considers the characteristic features of mass culture society, which form the image of modern recipient and influence the character of the texts of modern culture. The detective is studied as a text space that implements the message of mass culture society, with an emphasis on German detective literature and its specific features. The scientific novelty of this work lies in the field modeling of the basic concept for a police detective «VERBRECHEN» («CRIME») taking into account the factors of influence on the recipient, in identifying the linguistic and cognitive features of its representation on the material of the popular German detective «Die Lebenden und die Toten» (2014), written by Nele Neuhaus. Illustrative examples show that the nuclear zone of the concept «VERBRECHEN» consists of semantically

related categories of the act itself: Kapitalverbrechen, Mord, Mordfall, Straftat, Totschlag, Tötungsdelikt, Tötung, menschliche Verfehlung, supplemented by the criminal designations: Verbrecher, Mörder, Täter. The peripheral layers of this concept are implemented in such local concepts as «Schuld» (guilt), «Eitelkeit» (vanity), «Unsittlichkeit» (immorality), «Rache» (revenge), the emotive components of the concept «VERBRECHEN» «Angst» (fear), «Zorn» (anger), «Schmerz» (pain). The concept «ERMITTLUNG» (investigation) is connected with the backbone concept «VERBRECHEN» in a meaningful and procedural way, the semantic content of which is characterized in the author's evaluative understanding both different aspects of the crime and the personality of the criminal.

Key words: mass literature, mass consciousness, detective text, police novel, image of recipient, characteristics of mass literature, concept, field modeling.

Массовая литература – одно из самых заметных проявлений современной культуры, занимает «срединное положение между обыденной и элитарной типами культуры» [15, с. 169], транслирует культурные символы от элитарной культуры к обыденному сознанию, стандартизируя и упрощая информацию. Чтобы произведение оказалось востребованным в современном социуме, литература

должна обладать такой чертой, как серийность. Реципиенту нравится наличие серийного героя, чей психологический портрет раскрывается от произведения к произведению. При этом современный читатель относится к серии книг как к своего рода «бренду», выбирая который хочет быть уверен в качестве продукта, что характеризует его в первую очередь, как потребителя, а не ценителя высокого

искусства. Другая важная черта массовой литературы – это стереотипность художественных идей, отвечающих подсознательным инстинктам читателя. Источниками данных стереотипов являются правила, которые навязываются современным обществом. Большинство реципиентов подвержены стереотипному мышлению, следовательно, можно сделать вывод, что им не достает гибкости мышления.

Глобализация в современном мире обуславливает еще одну важную черту массовой литературы – ее прогрессирующий космополитический характер, выражающийся в однообразии литературных приемов. Согласно Дж. Кавелти, формульный характер массовой литературы способен наилучшим образом удовлетворить потребность читателя в уходе от действительности: читатель вовлекается в «игру», правила которой ему хорошо знакомы и получает удовольствие от того, что наблюдает за развитием минимальных вариаций [17, с. 8]. Отсюда следует следующая черта массовой литературы – эскапизм, то есть бегство от реальности в более комфортный мир, в котором побеждает добро и справедливость [16, с. 32]. Как следствие подобного бегства, у читателя создается ощущение комфорта и безопасности, которое отвлекает его от болезненных психологических, социальных и других проблем.

Значимой чертой массовой литературы является коммерческая направленность, поэтому в определенной степени произведения, рассчитанные на массовую аудиторию, являются коммерческими продуктами. Оформлению современных бестселлеров уделяется особое внимание, так как читатель с наибольшей степенью вероятности приобретет книгу с яркими иллюстрациями и захватывающей аннотацией. Унифицированность запросов и вкусов массового потребителя позволяет сформировать предложение, которое будет являться универсальным для преобладающей части покупателей, максимально охватывая весь книжный рынок. Большая часть читательской аудитории так или иначе подвержена негативному влиянию стресса, поэтому массовая литература носит развлекательный характер, не требующий специальных знаний и позволяющий отвлечься от повседневных забот.

Все вышеперечисленные факторы формируют облик реципиента, который в полной мере соответствует информационной эпохе XXI в. Человеком движут все те же потребности, импульсы, и страхи, однако, их виртуализация делает привязанности все менее глубокими, а общение более поверхностным. Переход в мир виртуальных образов меняет сущность индивида – он отдаляется от таких качеств, как ответственность, забота; моральные требования становятся менее отчетливыми. Анализ имеющихся характеристик массовой литературы показывает, что большинство

ее читателей не стремятся прилагать усилия для духовного роста, так как они привыкли получать готовый продукт.

На сегодняшний день детективные тексты являются одними из самых востребованных жанров массовой литературы. Детективам свойственна вариативность и многосерийность, благодаря которым реципиентам требуется меньше усилий для восприятия информации. Эти характеристики позволяют автору формировать ожидаемый читателем образ сыщика, который борется с преступниками, тем самым отстаивая общественные нормы [14, с. 5]. Согласно Дж.Г. Кавелти, детективная литература является типичным примером формульной литературы, в которой воплощаются конкретные стереотипы и культурные темы [2, с. 35]. Свойственные детективам жанрово-тематические каноны, представляющие собой формально-содержательные модели с определенным набором действующих лиц и конкретной сюжетной схемой, отвечают «жанровым ожиданиям читателя» [15, с. 261]. Авторы детективов предпочитают в некоторой степени подражать друг другу, чтобы не выходить за границы жанра. Детективы помогают читательской аудитории на время забыть об своих проблемах, поверить в способность преодолевать собственные страхи, компенсировать беспомощность, почувствовать смягчение чувства вины [1, с. 179]. Детективы являются лидером продаж, так как читатели проявляют повышенный интерес ко всему таинственному и загадочному, что помогает погрузиться в другую реальность. Соответственно, детективные бестселлеры вызывают эмоции, которых человек лишен в рутине повседневности.

Находящаяся в фокусе нашего внимания немецкая детективная литература недостаточно известна зарубежному читателю и, явно, требует дополнительного изучения в когнитивно-прагматическом плане. Детективные произведения являются важной частью культурного пространства Германии, их тиражи в последние десятилетия только растут. Авторы детективной литературы создали объединение писателей немецкой детективной литературы «Das Syndikat», по данным которого детективы составляют примерно четверть от общего объема продаж книг в Германии [19, с. 338–339]. Следующей по важности характеристикой современной немецкой детективной литературы является серийность. Серийные детективы выполняют функцию упорядочивания хаоса современной жизни в определенную систему, что очень важно для немцев, ценящих порядок и аккуратность.

Далее необходимо отметить, что запросы немецкой аудитории достаточно унифицированы: большинство читателей любят захватывающую и интересную подачу материала, но при этом для них также важна и смысловая составляющая,

часто выражающаяся в обращении к острым социальным вопросам. Для немецкого детектива характерна также некоторая степень эскапизма и стереотипность, что обусловлено присущей немецкому сознанию идеей о необходимости во всем соблюдать порядок. Немцы строго чтят законы, поэтому они болезненно воспринимают многочисленные случаи пренебрежения устоями общества, которые остаются безнаказанными. В детективах же всегда торжествует справедливость, что дает немецкому читателю своего рода «разрядку» от повседневной рутины. Согласно нашим наблюдениям, немецкой детективной литературе не столь присуща формульность, потому что большая часть произведений поднимает острые социальные вопросы, акцентируя внимание читателей на психологизме героев. Автору удается выражать свою интенцию, меняя при этом признаки и форму повествования.

В качестве иллюстративного материала используется полицейский роман «Die Lebenden und die Toten» («Живые и мертвые») [20] известной немецкой писательницы Неле Нойхаус, являющийся вариантом детектива как жанрового и межжанрового образования. События детектива разворачиваются в Таунусе близ Франкфурта и связаны с проблемой криминальной трансплантации органов. Книги этой серии миллионами продаются более чем в 20 странах мира, что говорит о коммерческом успехе. Произведение входит в цикл детективных романов, повествующих о профессиональных детективах Оливере фон Боденштайне и Пии Кирххоф, личность которых раскрывается на протяжении всего цикла. Роман демонстрирует немецкую идентичность и унифицированность запросов. Реципиент через это произведение погружается в социальные и психологические наблюдения автора по поводу явлений реальности, при этом стиль повествования характеризуется захватывающим сюжетом и динамичностью. Выбор тематики и жанра произведения коррелирует с моральными принципами, присущими законопослушному гражданину Германии, обладающему гипертрофированным чувством ответственности, приверженному стереотипам, принятым в обществе [14, с. 5]. Лингвостилистические особенности произведения, его эмотивная составляющая и манера повествования автора транслируют реципиенту следующий посыл: преступление всегда наказуемо и ему нет никаких оправданий. Название этого романа имеет формульный характер: оно привлекает немецкоязычную аудиторию, носит оттенок таинственности. При этом оно построено на контрасте и имеет прецедентный характер. Под мертвыми понимаются пациенты Франкфуртской клиники, органы которых трансплантировали, когда они еще были живы. Врачи лишь выдавали их за мертвых, подделывая заключения. Вслед за С. В. Сере-

бряковой, отметим концептуальную значимость названия произведения как авторской трактовки своего текста: «Заголовок является вполне самостоятельным концептом, несущим информацию, способную предопределить читательское впечатление о содержании, а также создать условия для соответствующего восприятия последнего» [10, с. 242]. Заголовок представляет собой первый компонент текста, с которым сталкивается реципиент, он в прямом и переносном смысле открывает и закрывает детектив [11, с. 167].

Чтобы детально рассмотреть лингвостилистические особенности произведения, отражающие культурные ценности немецкоязычной аудитории, целесообразно исследовать так называемую «вторичную действительность» детектива, обладающую интерпретационным подтекстовым планом, установить специфику концептуального пространства текста. В. К. Радзиховская рассматривает осмысленные компоненты художественного текста, которыми являются концепты, как «квантовые образования», обладающие «свойствами сложных систем, способных к саморазвитию» [7, с. 218]. В когнитивном плане концепт определяется как «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [6, с. 176]. С другой стороны, художественный концепт трактуется как «универсальный художественный опыт, который зафиксирован в культурной памяти и способен выступать в качестве строительного материала и фермента при формировании новых художественных смыслов» [6, с. 41].

Мы исходим из того, что индивидуально-творческий характер когнитивной системы писателя трансформирует общекультурные концепты, наделяя их специфическими признаками и наполняя их новыми ассоциациями и смыслами, формирующими в семантическом пространстве текста вербально-ассоциативные сети, содержащие как ядерные, так и периферийно-образные сегменты. Смысло- и текстообразующим характером рассматриваемого полицейского детектива обладает концепт «VERBRECHEN», системно реализующий устойчивую структуру смыслов, которая притягивает и концентрирует все возможные авторские смысловые приращения и интерпретации, преобразуя их в сложную иерархическую динамическую систему. Ядром системообразующего концепта является креативный аттрактор, трактуемый как доминантный смысл, который способствует целостному восприятию художественного произведения и является самой устойчивой частью концепта. Самоорганизуется относительно ядра концепта периферийная область, которая состоит из смысловых компонентов, определяющих отдельные фрагменты авторской картины мира, отраженной в исследуемом произведении. По мере удаления от ядра концепта

наиболее выраженными становятся такие характеристики системы, как неустойчивость, открытость и эмерджентность [5, с. 305]. Системообразующий концепт реализуется в анализируемом детективе через локальные концепты, представляющие собой периферийные смысловые компоненты исследуемого произведения. Согласно М. Ю. Олешкову, «локальные концепты в дискурсе не являются фиксированными», они отражают авторскую картину мира [7, с. 79].

Согласно словарю Duden, лексема как базовый номинант концепта «VERBRECHEN» имеет несколько значений: 1) ужасное злодеяние; 2) предосудительное, безответственное действие; беззаконие [18]. Глагол *verbrechen* этимологически и деривационно связан с глаголом *brechen* в значении «разбивать, ломать, уничтожать», реализующем семантику разрушения [4, с. 95]. Таким образом, преступник в немецком языковом сознании своими поступками «разрушает» правила общества, и, соответственно, должен быть наказан.

Ядерную зону концепта «VERBRECHEN» составляют семантически связанные номинации самого деяния: *Kapitalverbrechen*, *Mord*, *Mordfall*, *Straftat*, *Totschlag*, *Tötungsdelikt*, *Tötung*, *menschliche Verfehlung*, раскрывающие разные виды преступлений, дополняемые обозначениями преступника: *Verbrecher*, *Mörder*, *Täter*. Значительной концептуальной значимостью обладают речевые партии сыщика Пии Кирххоф, главной героини исследуемого полицейского детективного текста, которая, демонстрируя «активно-деятельностный тип поведения» [12, с. 140], обращается с обвинениями к преступнику профессору Рудольфу.

«Ihre **Eitelkeit** ertrug das Scheitern nicht», provozierte Pia ihn weiter. «Sie hatten sich **in die Idee verrannt, der erste Arzt der Welt zu sein**, der über die Blutgruppenschranken hinaus Herzen transplantieren kann. **Den Nobelpreis hatten sie im Auge, Ruhm und Ehre und viel, viel Geld**. Dafür sind Sie **über Leichen gegangen!** Kirsten Stadler mit ihrer Blutgruppe 0 war für Sie **ein Geschenk des Himmels**. Die Frau war Ihnen damals so gleichgültig wie jetzt Ihr alter Freund Burmeister oder der Tod Ihrer Frau. «Männer wie Sie **schädigen einen ganzen Berufsstand!**», konterte Pia scharf. «Sie haben **Unschuldige geopfert, Unbeteiligte!** Sie werden als **gewissenloser, geldgieriger Verbrecher** in die Geschichte der Transplantationsmedizin eingehen! Man wird sich für Sie schämen und Ihre Bücher in die Altpapiertonnen werfen. Jedes ihrer Worte traf **seine eitle Seele wie ein Schwerthieb**» [20, с. 318-319].

В положениях, приведенных выше, было установлено, что немцы крайне негативно относятся к нарушению правил. Эта черта немецкого менталитета проявляется в этом фрагменте. Также в этом отрывке в концентрированном

виде реализуется системообразующий концепт «VERBRECHEN» и его эмотивные составляющие «Beschuldigung» (обвинение), «Eitelkeit» (тщеславие), «Unsittlichkeit» (аморальность). Концепт в данном примере представлен лексической единицей *Verbrecher* (преступник), прагматически усиленной двумя эпитетами резко отрицательной коннотации: *gewissenloser, geldgieriger Verbrecher* (бессовестный, алчный преступник), а также оценочным выражением *seine eitle Seele* (тщеславная душа). Тщеславная цель преступника, профессора Рудольфа, – Нобелевская премия, слава, почет и много-много денег (*den Nobelpreis hatten sie im Auge, Ruhm und Ehre und viel, viel Geld*), ради которых он и совершает преступления: идет по трупам (*über Leichen gegangen*), приносит в жертву безвинных и ни о чем не подозревающих пациентов (*Unschuldige geopfert, Unbeteiligte*). Детектив Пия Кирххоф эмоционально обвиняет профессора Рудольфа, упоминая все его преступные деяния и аморальные поступки, используя экспрессивные лексические и синтаксические средства: яркую метафору *ein Geschenk des Himmels* (подарок судьбы), экспрессивное сравнение *wie ein Schwerthieb* (как удар меча), которое используется в тексте с целью усиления изобразительности, создания более красочных, живых образов [3]. Закрывающее данный фрагмент предложение *Jedes ihrer Worte traf seine eitle Seele wie ein Schwerthieb* можно рассматривать как выражение формирующегося чувства вины, которое начинает испытывать профессор Рудольф.

Концептуально значимая номинация *menschliche Verfehlung* (проступок), рассмотренная в следующем примере, проявляется в завуалированной идее, что даже самые мелкие проступки должны быть наказуемы, во всем должно проявляться чувство ответственности. Такая позиция, нацеленная на массовую аудиторию Германии, позволяет говорить о категоричности суждений, характеризую реципиента, у которого подобные авторские послы находят отклик, как чрезвычайно ответственного человека.

Die Vergehen von Renate Rohleder, Patrick Schwarzer und Bettina Kaspar-Hesse waren keine **Kapitalverbrechen** gewesen, eher **menschliche Verfehlungen**, längst vergessen und verdrängt. Doch ihre damals getroffenen Entscheidungen hatten einen anderen Menschen so tief verletzt, dass sie **zu einem Bumerang** geworden waren, der sie **zehn Jahre später auf bitterste Art und Weise bestrafte** [20, с. 263].

В данном примере приращение оценочного смысла происходит через композитную номинацию *Kapitalverbrechen* (особо тяжкое преступление). Детектив Пия считает, что некоторые жертвы стрелка не совершали умышленно тяжких преступлений, их деяния можно квалифицировать

как проступки (*menschliche Verfehlungen*), которые в итоге привели к смерти жены таинственного стрелка Дирка Штадлера. Но преступник был непреклонен, он считал, что все причастные к смерти его жены должны понести суровое наказание. Таким образом, не вдаваясь в подробности, он делил мир на черное и белое, будучи одержимым одной единственной идеей – отомстить людям, виноватым в смерти жены, наказать их самым жестоким образом (*auf bitterste Art und Weise bestrafen*).

В следующем фрагменте детально рассмотрено авторское наблюдение относительно планов, действий и эмоциональных состояний преступника, личность которого вызывает интерес читателя, потому что у него есть собственный свод законов. Читатели могут понять мотивы преступника, его цели, но не могут оправдать его действия, потому что личные причины и нестабильное эмоциональное состояние не являются в немецком менталитете поводом для того, чтобы вершить самосуд над человеком:

Sein Zeigefinger lag am Abzug. Er atmete tief ein und aus, konzentrierte sich ganz auf sein Ziel. Dann, als sie sich in seine Richtung drehte, zog er den Abzug ganz durch. Genau in der Sekunde, in der die Kugel das Glas der Fensterscheibe durchschlug und ihr Schädel platzte, zuckte sein Blick im Reflex nach rechts, und er nahm eine zweite Person in der Küche wahr. Großer Gott – sie war nicht allein! Ein schriller Schrei drang an sein Ohr [20, с. 35].

В данном отрывке концепт «*VERBRECHEN*» представлен как последовательность действий: *atmete tief ein und aus* (глубоко дышал), *konzentrierte sich* (сконцентрировался), *zog den Abzug ganz durch* (спустил курок). Стрелок выследил одну из своих жертв Маргарет Рудольф, он специально подбирал время, когда она будет одна, чтобы свидетелями убийства ни в коем случае не стали ее родственники, в особенности дети. Поэтому, когда он заметил, что Маргарет была не одна, он выразил свое недовольство, используя междометие *Großer Gott!* (боже мой), что можно считать свидетельством наличия у него своеобразных моральных принципов. При описании реакции на убийство используется усиливающий ужас преступления эпитет *schriller Schrei* (пронзительный крик), который донесся из дома жертвы и шокировал его.

В приведенном далее фрагменте посредством обращения стрелка к представителям власти концентрированно представлена информация, реализующая эмотивную составляющую «*Schuld*» (вина) базового концепта «*VERBRECHEN*» в понимании преступника.

Ich habe mich schuldig gemacht und muss mich nun der höchsten Instanz stellen, in der schwachen Hoffnung, Vergebung zu finden. Ich

habe alle Taten alleine geplant und durchgeführt. Niemand außer mir hat sich schuldig gemacht oder gegen Gesetze verstoßen [20, с. 331].

Саморефлексия преступника показывает, что он признает свое преступление, осознает свою вину (двойной повтор: *Ich habe mich schuldig gemacht* (я сам виноват); *Ich habe alle Taten alleine geplant und durchgeführt* (все свои преступления я сам запланировал и совершил); *gegen Gesetze verstoßen* (нарушил законы)). В авторском понимании он все же питает слабую надежду предстать перед высшей инстанцией и получить прощение (*in der schwachen Hoffnung, Vergebung zu finden*), ведь, по его мнению, его преступления явились ответом на совершенные ранее преступные деяния трансплантологов. Его чувство вины оказывается настолько глубоким, что не существует даже соответствующего наказания, поэтому он совершает самоубийство, хотя изначально собирался предстать перед судом. Метафора *höchste Instanz* (высшая инстанция) показывает его готовность предстать перед Божьим судом.

Особый интерес вызывают периферийно-образные сегменты базового концепта полицейского детектива, помогающие раскрыть индивидуально-авторское восприятие описываемых событий посредством приращения смыслов. Они представлены лексемами, семемы которых содержат яркую дифференциальную сему центрального поля концепта «*VERBRECHEN*» и реализуют посредством соответствующих контекстов такие локальные концепты, как «расследование», «анализ фактов», «конспирация», «напарник».

Сюжетная основа рассматриваемого текста отличается двойственностью: он содержит в себе не один, а два повествовательных плана: историю преступления и историю расследования. С системообразующим концептом «*VERBRECHEN*» тесно сопряжен содержательно и процессуально концепт «*ERMITTLUNG*» (расследование), этапы и семантическое наполнение которого характеризуют в авторском осмыслении и разные стороны преступления, и личность преступника:

Gerade zu Beginn einer Ermittlung, wenn man noch völlig im Dunkeln tappte, war es wichtig, in alle Richtungen zu denken. Deshalb hatte er Pia auch nicht widersprochen, als sie vorhin im Auto geäußert hatte, sie glaube – im Gegensatz zu ihm – nicht an einen reinen Zufall. Verbrechenaus purer Mordlust ohne echtes Motiv waren äußerst selten [20, с. 31].

В данном случае речь идет о преступлении стрелка Дирка Штадлера. Пия считает, что жертва была выбрана не случайно. Это подтверждает и уголовная статистика: чрезвычайно редко совершались преступления без наличия истинного мотива (*Verbrechen aus purer Mordlust*). Оценочный характер имеет метафора *im Dunkeln tapfen* (блуждать в темноте), показывающая, что расследование только началось и еще не продвинулось.

Прагматически значимой составляющей концепта «*VERBRECHEN*» является мотивы преступных деяний, первопричина которых объясняет поведение преступника и помогает установить истину:

«Es gab für uns alle nur ein Thema und einen Gedanken – Rache! Jeder von uns hatte sein ganz persönliches Motiv, aber letztlich wollten wir alle dasselbe: Die Wahrheit sollte ans Licht kommen» [20, с. 371].

В данном контексте получает реализацию локальный концепт «*Rache*». Для Марка Томсена и остальных преступников существовал свой личный мотив (*sein ganz persönliches Motiv*) – месть (*Rache*), они все хотели, чтобы правда восторжествовала (*die Wahrheit sollte ans Licht kommen*) и виновные были наказаны.

Автор пытается описать разные аспекты концепта «*VERBRECHEN*», в том числе и с участием преступника, раскрывающего мотивы его деяний:

«Wenn diese Anzeige tatsächlich eine Nachricht des Täters an uns ist», überlegte Bodenstein laut, «dann ist Ingeborg Rohleder kein Zufallsopfer». «Unterlassene Hilfeleistung und Beihilfe zur fahrlässigen Tötung», sagte Pia. «Was hat das wohl zu bedeuten?» – «Auf jeden Fall verrät der Täter uns etwas Entscheidendes», erwiderte Bodenstein und runzelte nachdenklich die Stirn. «Ingeborg Rohleder musste sterben, weil ihre Tochter etwas getan oder unterlassen hat. Und das wirft ein völlig anderes Licht auf die Tat» [20, с. 69].

В данном фрагменте акцент сделан на расследовании. Преступник оставил полиции записку, в которой он объяснил, что убил Ингеборг, потому что ее муж не оказал необходимую медицинскую помощь больному и оказался соучастником убийства по неосторожности (*fahrlässige Tötung*). Автор, описывая содержание записки, использует фразеологизм *ein Licht werfen (пролить свет)*, чтобы показать, насколько она оказалась важна для дальнейшего расследования.

Интерес для исследования концептуального пространства текста представляют такие локальные концепты, как «*Schuld*» (вина), «*Eitelkeit*» (тщеславие), «*Unsittlichkeit*» (аморальность), «*Rache*» (месть), а также эмотивные компоненты концепта «*VERBRECHEN*» «*Angst*» (страх), «*Zorn*» (гнев), «*Schmerz*» (боль). Концептуально значимым можно считать следующий фрагмент интертекстуального характера:

Er vertraute nicht auf Rechtsprechung und Gesetz. Stattdessen hielt er sich an den biblischen Rechtssatz Leben für Leben, Auge für Auge, Zahn für Zahn, Hand für Hand, Fuß für Fuß, Brandmal für Brandmal, Strieme für Strieme, sorgte für seine eigene Gerechtigkeit. Was dachte er sich bei seinen Taten? Dein Liebstes für mein Liebstes? [20, с. 263]

Дирк Штадлер, потеряв близкого человека по вине врачей, не верит в правосудие. Он провозглашает приоритет своей собственной справедливости (*seine eigene Gerechtigkeit*) с опорой на постулаты «Второзакония»: жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, руку за руку и т. д. В глубокой древности эти суровые слова были формулой правосудия; они означали, что все зло, которое совершил преступник, должно обернуться для него таким же злом. Таким образом, преступник вершит свое правосудие, поэтому СМИ в романе называли его судьей.

В следующем примере речь идет о страхе (*Angst*) как эмотивной составляющей базового концепта, которая реализуется посредством прямой речи Вивьен, подруги Хелен. Происхождение эмоционального состояния страха связано с тайной, неизвестностью и непониманием, неспособностью персонажей объяснить происходящие события. Тайны и загадки являются составляющей формульного характера детективных произведений и очень привлекают читателей.

«Als ich Helen davon erzählt habe, wurde sie ganz still. Dauernd klingelte ihr Handy. Das war er. Er wollte ständig wissen, wo sie sei und wer bei ihr wäre. Das machte ihr wahnsinnig Angst, besonders, seitdem sie herausgekliegt hatte, dass er dasselbe schon mit seiner ersten Frau so gemacht hatte» [20, с. 228].

Хелен, находясь под неусыпным контролем своего друга Йенса-Уве, испытывает безумный страх (*wahnsinnig Angst machen*). Проявление разных видов страха вплоть до животного ужаса является не только центральной темой криминальной литературы, но и существенно формирует структуру детективного романа [9, с. 165]. Происхождение эмоционального состояния страха связано с тайной, неизвестностью и непониманием, неспособностью персонажей объяснить происходящие события.

Таким образом, на иллюстративных примерах из популярного в Германии полицейского романа Неле Нойхаус «*Die Lebenden und die Toten*» был исследован системообразующий концепт «*VERBRECHEN*» («ПРЕСТУПЛЕНИЕ») [см. рисунок 1], ядерную зону которого составляют семантически коррелирующие номинации самого деяния: *Kapitalverbrechen*, *Mord*, *Mordfall*, *Straftat*, *Totschlag*, *Tötungsdelikt*, *Tötung*, *menschliche Verfehlung*, раскрывающие разные виды преступлений и дополняемые обозначениями преступника: *Verbrecher*, *Mörder*, *Täter*. Периферийные слои данного концепта представлены индивидуально-авторскими смысловыми приращениями, реализованными в таких локальных концептах, как «*Schuld*» (вина), «*Eitelkeit*» (тщеславие), «*Unsittlichkeit*» (аморальность), «*Rache*» (месть), эмотивных компонентах концепта «*VERBRECHEN*» «*Angst*» (страх), «*Zorn*»

(гнев), «Schmerz» (боль). В процессе анализа установлено содержательное и процессуальное взаимодействие системообразующего концепта «VERBRECHEN» с процессуальным концептом «ERMITTLUNG» (расследование), реализующим

второй повествовательный план. Этапы и семантическое наполнение данного концепта характеризуют в авторском оценочном осмыслении и разные стороны преступления, и личность преступника, отражая в целом читательские ожидания.

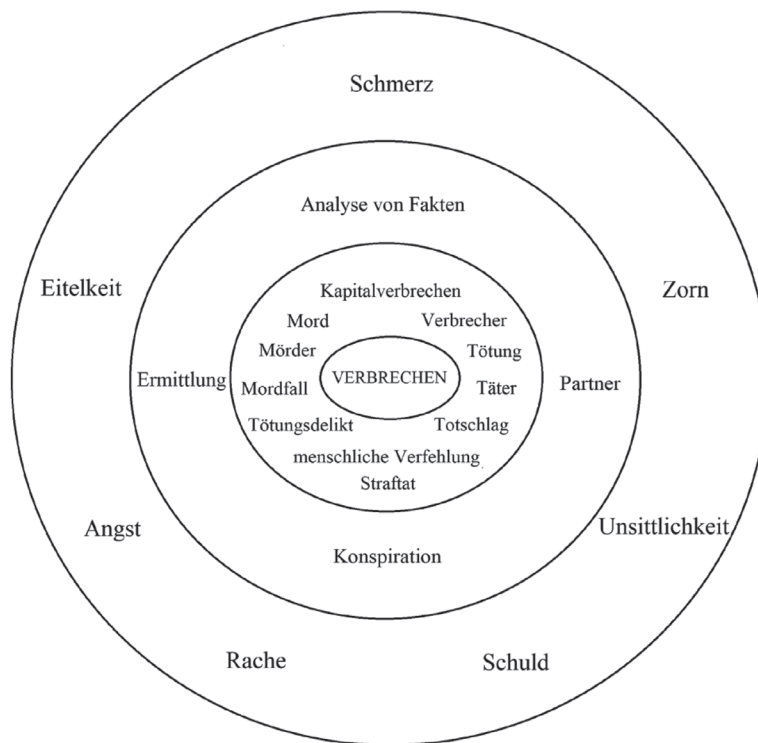

Рисунок 1. Полевое моделирование концепта «VERBRECHEN» романа «Die Lebenden und die Toten»

Результаты анализа эмпирического материала и описания иерархической структуры базового концепта «VERBRECHEN» можно считать свидетельством того, что большая часть современных реципиентов как членов информационного общества менее склонна к привязанностям, общение приобретает при этом более поверхностный характер, моральные требования становятся менее выраженными. Немецкая аудитория выделяется на общем фоне читателей, потому что она мно-

го внимания уделяет сложным социокультурным вопросам, больше погружена в размышления. Немцы отдают предпочтение детективам, потому что в них побеждают справедливость, а тайны и загадки являются дополнительным аттрактивным фактором.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы заключаются в детальном изучении полевой структуры системообразующих концептов современных детективных текстов других культур.

Литература

1. Георгинова Н. Ю. Детективный жанр: причины популярности // Научный диалог: Филология. № 5 (17). Екатеринбург: Центр научных и образовательных проектов, 2013. С. 173–186.
2. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул (Пер. с англ. Е.М. Лазаревой) // Новое литературное обозрение. № 22. Москва: Новое литературное обозрение. 1996. С. 33–64.
3. Кравцова А. В. Функциональная специфика сравнения в немецком детективном тексте // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm (Дата обращения: 12.03.2021).
4. Кузнецова Н. Ю. Структура концепта «Verbrechen» (преступление) в немецкой паремиологической картине мира // Профессиональный проект: идеи – технологии – результаты. Выпуск 4 (25). Москва – Челябинск: ООО «Профессиональный проект», 2016. С. 95–101.
5. Мамонова Н. В. К вопросу об определении терминов «системообразующий концепт» и «локальный концепт» при исследовании фрактальной самоорганизации дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. XX: от когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению. М.: ин-т языкознания РАН; Тамбов: издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. С. 124–130.

6. Миллер Л. В. Концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. М.: Высшая школа, 2000. С. 39–45.
7. Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 68–85.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: «Истоки», 2001. 191 с.
9. Радзиховская В. К. Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке: сложная система, ее свойства, принципы изучения. М: МПГУ, 2005. 136 с.
10. Серебрякова С. В. Концептуальная значимость заглавия в переводческом аспекте // Язык. Текст. Дискурс. Выпуск № 6. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. С. 240–245.
11. Серебрякова С. В., Кравцова А. В. Жанрово-тематические и прагматические особенности рассказов детективного жанра // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, 2019. С. 164–170.
12. Серебрякова С. В. Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей // Вопросы когнитивной лингвистики. Выпуск № 1. Тамбов: Российская организация лингвистов-когнитологов, 2018. С. 137–143.
13. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
14. Тихонова О. Современный немецкий детектив в контексте инонациональных моделей // Балтийский филологический курьер. Выпуск № 7. Калининград: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2009. С. 226–236.
15. Черняк М. А. Массовая литература XX века. М.: ФЛИНТА, 2013. 432 с.
16. Черняк М. А. Массовая литература конца XX – начала XIX века: технология или поэтика? // Филологический класс. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2008. С. 4–11.
17. Cawelti J. G. Adventure, mystery and romance: Formula stories as art and popular culture. Chicago, 1976. P. 5–36.
18. Duden Online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Verbrechen> (дата обращения: 15.02.2021).
19. Düwell S., Bartl A., Hamann C., Ruf O. Handbuch Kriminalliteratur. Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. 422 S.
20. Neuhaus N. Die Lebenden und die Toten. Berlin: Ullstein, 2014. 354 s.

References

1. Georginova N. Yu. Detektivnyi zhanr: prichiny populyarnosti (Detective genre: reasons for popularity) // Nauchnyi dialog: Filologiya (Scientific dialogue: Philology). 2013. No. 5 (17). P.173–186. (In Russian).
2. Kavelti Dzh. G. Izuchenie literaturnykh formul (Study of literary formulas) translated from English by E.M. Lazareva // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. No. 22. Moscow: New Literary Observer publ., P. 33–64. (In Russian).
3. Kravtsova A. V. Funktsional'naya spetsifika sravneniya v nemetskom detektivnom tekste (Functional specificity of comparison in the German detective text) // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2020» (Materials of the International Scientific Youth Forum «Lomonosov-2020») URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm (Accessed: 12.03.2021). (In Russian).
4. Kuznetsova N. Yu. Struktura kontsepta «Verbrechen» (prestuplenie) v nemetskoj paremiologicheskoi kartinе mira (The structure of the concept «Verbrechen» (crime) in the German paremiological picture of the world) // Professional'nyi proekt: idei – tekhnologii – rezul'taty (Professional project: ideas - technologies – results). Vol. 4 (25). Moscow – Chelyabinsk, 2016. P. 95–101. (In Russian).
5. Mamonova N. V. K voprosu ob opredelenii terminov «sistemoobrazuyushchii kontsept» i «lokal'nyi kontsept» pri issledovanii fraktal'noi samoorganizatsii diskursa (On the question of the definition of the terms «system-forming concept» and «local concept» in the study of fractal self-organization of discourse) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XX: ot kognitivnoi lingvistiki k kognitivnomu terminovedeniyu. Moscow: The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin publ., 2015. P. 124–130. (In Russian).
6. Miller L. V. Kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya (Concept as a semantic and aesthetic category) // Mir russkogo slova. Moscow: Vysshaya shkola, 2000. P. 39–45. (In Russian).
7. Oleshkov M.Yu. Lingvokontseptual'nyi analiz diskursa (teoreticheskii aspekt) (Linguoconceptual analysis of discourse (theoretical aspect)) // Diskurs, kontsept, zhanr: kolektivnaya monografiya. (Discourse, concept, genre: a collective monograph). Nizhny Tagil: State Social Pedagogical Institute publ., 2009. P. 68–85. (In Russian).
8. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike (Essays on cognitive linguistics). Voronezh: Istoki, 2001. 191 p. (In Russian).
9. Radzikhovskaya V. K. Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya vzaimnosti v sovremennom russkom yazyke: slozhnaya sistema, ee svoystva, printsipy izucheniya (Functional-semantic category of reciprocity in modern Russian: a complex system, its properties, principles of study). Moscow: MPSU publ., 2005. 136 p. (In Russian).
10. Serebriakova S. V. Kontseptual'naya znachimost' zaglaviya v perevodcheskom aspekte (The conceptual significance of the title in the translation aspect) // Yazyk. Tekst. Diskurs. No. 6. Stavropol: Publishing House of Stavropol State University publ., 2008. P. 240–245. (In Russian).
11. Serebriakova S. V. Kognitivnyi dissonans kak interpretatsionnaya ramka mezlichnostnykh otnoshenii personazhei (Cognitive dissonance as an interpretative framework of interpersonal relationships of characters) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. No. 1 (54). Tambov: Russian organization of cognitive linguists publ., 2018. P. 137–143. (In Russian).
12. Serebriakova S. V., Kravtsova A. V. Zhanrovo-tematicheskie i pragmaticheskie osobennosti rasskazov detektivnogo zhanra (Genre-thematic and pragmatic features of detective stories) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. No. 1. Vladikavkaz: Khetagurov North Ossetian State University, publ. 2019. P. 164–170. (In Russian).

13. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury (Constants. Dictionary of Russian culture). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. 824 p. (In Russian).
14. Tikhonova O. Sovremenniy nemetskii detektiv v kontekste inonatsional'nykh modelei (Modern German detective in the context of foreign models) // Baltiiskii filologicheskii kur'er. No. 7. Kaliningrad: Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Immanuel Kant Baltic Federal University» publ., 2009. P. 226-236. (In Russian).
15. Chernyak M. A. Massovaya literatura (Popular literature of the XX century). Moscow: FLINTA, 2013. 432 p. (In Russian).
16. Chernyak M. A. Massovaya literatura kontsa XX – nachala XIX veka: tekhnologiya ili poetika? (Mass literature of the late XX-early XIX century: technology or poetics?) // Filologicheskii klass. Ekaterinburg: Ural Federal University publ., 2008. P. 4–11. (In Russian).
17. Cawelti J. G. Adventure, mystery and romance: Formula stories as art and popular culture. Chicago, 1976. P. 5–36.
18. Duden Online-Wörterbuch (Duden online dictionary) [electronic resource]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Verbrechen> (Accessed: 15.02.2018).
19. Düwell S., Bartl A., Hamann C., Ruf O. Handbuch Kriminalliteratur. (Handbook of crime literature) Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. 422 P.
20. Neuhaus N. Die Lebenden und die Toten (The living and the dead). Berlin: Ullstein, 2014. 354 p.

Сведения об авторе

Раловец Анна Вадимовна – аспирант кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kravtsova1996@yandex.ru

Information about the author

Ralovets Anna – postgraduate student, Chair of Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tatiana-kravtsova1996@yandex.ru